

152

3084010333

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цѣна отдѣльнаго номера 20 к.

ФЛАЖГА

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:

На 1 годъ.	8 р. — к.
” 6 мѣсяцевъ.	4 ” 50 ”
” 3 мѣсяца.	2 ” 50 ”

Съ разсылкою по Имперіи:

На 1 годъ.	8 р. 50 к.
” 6 мѣсяцевъ.	5 ” — ”
” 3 мѣсяца.	2 ” 75 ”

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

Съ правомъ поступленія въ другіе университеты.

ФИАЛКА И РОЗА

„Фиалка бѣдная моя,
Смотрю я съ грустью на тебя...
Какой ты некрасивой стала!
Ты постарѣла и завяла
Какъ разъ въ тѣ дни, когда вокругъ
Природа ласкою сіяетъ
И яркимъ блескомъ озаряетъ
Роскошный цвѣтъ твоихъ подругъ“.

„Ты слишкомъ страстно жить спѣ-
шила

И листь свой нѣжный распустила
Въ тѣ дни тяжелые, когда
Между суровою зимою
И вѣчно ясною весною
Кипѣла дикая вражда.
Не разъ холодною рукою
Тебя давилъ сѣдой морозъ,
Не разъ стибалъ тебя дугою
Порывъ могучихъ первыхъ грозъ.
Зачѣмъ ты жизнью рисковала?...
Зачѣмъ тепла не выжидала?...
Примѣръ брала бы ты съ меня...
Я къ жизни не рвалась ретиво,
А дождалася терпѣливо
Благоухающаго дня,
И въ знойномъ, солнечномъ саду
Безъ страха листь свой распус-
тила.....“

Такъ Роза яркая въ саду
Фиалкѣ блѣдной говорила.

**

„Да, Роза милая моя,
Съ тобой вполнѣ согласна я...
Когда-бъ расцвѣсть я не спѣшила
И тѣмъ себя не погубила,
Теперь бы съ гордостью, какъ ты,
Я красотой своей сіяла
И съ тихой нѣгой распускала
Подъ солнцемъ ласковымъ листь.“

„Я извела себя борьбою,
Но я горжусь своей судьбою:
Подъ игомъ ледяныхъ оковъ,
Во время зимней непогоды,
Про обновленіе природы
Заговорила я безъ словъ;
Тепло и счастье я сулила,
Навѣявъ радужные сны,
И мертвый воздухъ оживила
Благоуханіемъ весны;
Я не боялась грозныхъ тучъ;
Какъ неба яснаго избранникъ,
Какъ первый радостный посланникъ,

Зажгла въ сердцахъ я счастья лучъ...
Мечтой гонимая свободной,
Зимѣ угрюмой и холодной
Открыто выразивъ вражду,
Подъ снѣгомъ я благоухала.. .“

Фиалка блѣдная въ саду
Такъ розѣ яркой отвѣчала.

Горесмѣховъ .

ПОДЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ „МИНУТЫ“

Въ честномъ, высоко-нравственномъ, патріотическомъ органѣ честнаго, высоконравственнаго патріота, г. Баталина, мы нашли въ высшей степени мѣткое, остроумное и глубоко-добросовѣстное обличительное слово по поводу необузданныхъ выходовъ нашей крикливо-мальчишеской, верхушечно-либеральной печати, привыкшей брызгать на своихъ читателей злобною ложью и наглою клеветою. Правда, поцарапанная этою печатью, должна быть восстановлена, и никто другой, какъ именно г. Баталинъ является ея восстановителемъ. Благодаримъ его, тысячу разъ благодаримъ, отъ лица всѣхъ истиннымъ русскихъ патріотовъ благодаримъ!...

Вотъ, какъ въ № 205 „Минуты“, отъ 14 августа, г. Баталинъ справедливо бичуетъ „Отечественныя Записки“, этотъ злонамѣренный, одряхлѣвшій въ порокахъ органъ лжи и смуты; вотъ, какъ онъ выставляетъ на общій позоръ и осмѣяніе сужденія органа безнравственнаго Щедрина — читайте, господа патріоты, и умиляйтесь:

„Изъ массы либеральныхъ газетъ и газетокъ, въ какую ни взгляни—вездѣ Собакевичъ: то пишетъ передовую статью, то фельетончикъ, то въ всякихъ рубрикъ и приличій полемизируетъ съ „московскою печатью“. Не знаешь, что подумать: Собакевичъ ли превратился въ либерала, или либераль въ Собакевича, но только между ними установилось близкое родство, и отъ самаго непримиримаго либерала пахнетъ самымъ горячимъ Собакевичемъ. Языкъ господина Собакевича, свирѣпствующаго въ либеральной печати, сдѣлался кратокъ и выразителенъ. Вотъ образцы его, почерпнутые однимъ московскимъ обозрѣвателемъ журналистики изъ „Отеч. Записокъ“:

„Все прогнило. Нѣтъ ни совѣсти, ни чести. Мужикъ одичалъ и спился. Дворянство утратило всякое чувство нравственнаго долга. Купечество развратилось и насквозь проникается противообщественными вождѣльниками. Идеалы меркнутъ. Финансы гадки. Долги растутъ. Кредитъ падаетъ. Дифтеритъ губитъ девять-десять тысячъ крестьянскихъ дѣтей. Пожары, голодъ и кабакъ свирѣпствуютъ по всему пространству великой и малой, и бѣлой Россіи... Гимназіи плодятъ идиотовъ. Университеты порабощены. Интеллигенція отсутствуетъ. Честная мысль цѣпенѣетъ“.

„Собакевичъ безбожно вретъ на каждомъ словѣ; но онъ такъ раскипятился и вошелъ въ ударъ, что остановить его нѣтъ никакой возможности“.

Ну, не правъ ли, не справедливъ ли, какъ Соломонъ, высокодобродѣтельный г. Баталинъ, выставляя на общій позоръ эти лживыя до послѣдняго слова строки злонамѣ-

ренныхъ „Записокъ“, не стыдящихся назвать себя „Отечественными“?!... Онъ правъ, онъ тысячу разъ правъ!... Онъ ошибается только въ одномъ... Онъ ошибается, говоря, что остановить такого расхристаннаго либерала нѣтъ никакой возможности. Остановить всегда возможно; средствъ существуетъ множество и средствъ самыхъ вѣрныхъ и прямо ведущихъ къ цѣли. Г. Баталинъ, какъ истинный патріотъ, служившій дѣлу патріотизма, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого выраженія, долженъ хорошо знать всѣ эти средства... Но чортъ съ ними, съ этими врагами отечества!.. Пусть кричатъ, что хотятъ... Имъ никто не повѣритъ, потому-что есть г. Баталинъ, который ихъ опровергнетъ и которому повѣрятъ всѣ, такъ какъ нельзя не вѣрить такому честному, такому нравственному, такому правдивому человѣку и писателю, какъ г. Баталинъ.

Г. Баталинъ говоритъ, что приведенныя имъ строки „Отечественныхъ Записокъ“ безбожно врутъ на каждомъ словѣ. Мы вѣримъ ему. Мы вѣримъ, что въ наше радужное время можно говорить только устами Манилова, а ужъ никакъ не Собакевича. Поэтому „Фаланга“ считаетъ своимъ долгомъ дружески помочь г. Баталину въ дѣлѣ восстановления истины и замѣняетъ лживыя строки „Отечественныхъ Записокъ“ слѣдующими правдивыми:

Все молодо и свѣжо. Во всемъ проявляется чистая совѣсть и высокая честь. Мужикъ цивилизовался и хмѣльнаго въ ротъ не беретъ. Дворянство прочно усвоило себѣ чувство нравственнаго долга. Купечество блещетъ добродѣтелями и насквозь проникается идеей народнаго блага. Идеалы становятся все яснѣе и яснѣе. Финансы въ блестящемъ состояніи. Долги уменьшаются. Кредитъ растетъ. Всѣ живутъ до глубокой старости. Довольство, благосостояніе и счастье господствуютъ по всему пространству великой и малой, и бѣлой Россіи... Гимназіи плодятъ мудрецовъ. Университеты пользуются широкими правами. Интеллигенція ликуетъ. Честная мысль торжествуетъ.

Вотъ она—правда, которую мы нашли, наконецъ, благодаря г. Баталину. Да и какъ же не сказать: „честная мысль торжествуетъ“, когда такіе добросовѣстные, нравственные и правдивые люди, какъ г. Баталинъ, стоятъ во главѣ большихъ газетъ!..

ОДНОЙ ИЗЪ МНОГИХЪ

Она трудясь идетъ впередъ;
Къ семейнымъ и житейскимъ путамъ
Питая ненависть, ихъ рветъ;
А если даже и падетъ,
То безопасно, съ парашютомъ.

Д. М.

РАЕШНИКЪ „ФАЛАНГИ“

Господа честные, подходите,—веселыхъ картинокъ посмотрите! Получилъ я позволеніе показать вамъ мѣста общественнаго увеселенія, по обѣ стороны Куры, гдѣ по вечерамъ тифлисы отдыхаютъ отъ жары.

Начинаю.

Вотъ передъ вами Александровскій садъ, посаженъ лѣтъ 25 тому назадъ; какъ видите, садъ не тѣнистый, но содержится—ничего, чисто. Каждый вечеръ въ немъ два хора музыки играютъ, публику привлекаютъ; гремитъ музыка безъ умолку, но для содержателя рогонды все-же мало толку... Только няньки съ дѣтьми здѣсь гуляютъ, да штабные писаря ихъ сѣмечками угощаютъ.

А вотъ садъ театральнй, съ нѣкоторыхъ поръ для всѣхъ фатальнй. Кто въ немъ гулянье назначить, тотъ и плачетъ: всякій разъ неперемѣнно въ этотъ день дождь пойдетъ и у публики охоту гулять отобьетъ. Ужь, видно, нашъ театръ въ этомъ году съ самимъ небомъ не въ ладу! Вотъ, глядите, даетъ въ немъ концертъ интересная пѣвица Макарова, не поетъ ничего стараго, все только новое, тифлисской публикѣ неизвѣстное—самое, значить, интересное, а съ нею еще сестра—пianistka, тоже известная артистка, да еще голосистый пѣвецъ Май-борода. Обѣздили они многіе города, вездѣ деньги загребали, а съ Тифлисомъ прогадали: инъ, какъ мало публики! Всѣ обычные концертовъ посѣтители, знатоки и цѣнители, перебрались на дачи, вотъ и нѣтъ пѣвцамъ никакой удачи!

По эту сторону Куры есть еще одинъ садъ—Ботаническій, да ужъ больно романтическій! Поглядите и сами посудите: тутъ прогалина, тамъ развалина. И весь-то онъ расположенъ на склонѣ горы: хоть видъ изъ него на Тифлисъ чудный, да путь къ нему трудный... Изволь взбираться, въ лѣтнюю пору, на эдакую гору, почти одной высоты съ горою Давида. Не захочешь и вида!

Теперь покажу я вамъ сады въ Колоніи; вдыхая по пути овощныхъ лавокъ зловоніе, каждый вечеръ публика въ эти сады спѣшитъ, на фэтонахъ вскачь летитъ... потифлисски!

Вотъ вамъ, для начала, садъ семейный, „бывшій Сан-Суси“, гдѣ бывать было прежде—Боже упаси! А теперь онъ вошелъ въ моду, смотрите, сколько въ немъ всякаго народу! Садъ-то не даромъ „Семейнымъ“ называется: артисты въ немъ цѣлыми „семействами“ подвизаются... Сперва здѣсь семейство Верони-Вестъ танцовало и на колокольчикахъ играло; потомъ братья Эженъ по проволоку ходили, тифлисскихъ дамъ въ восторгъ приводили. А теперь, какъ видите, Деккеръ-Шенкъ супруги предложили содержателю сада свои услуги: онъ оркестромъ

управляетъ, она—игривая шансонетки басомъ распѣваетъ, а гдѣ голосу не хватаетъ, тамъ жестомъ выразительно поясняетъ. Публика—ничего, одобряетъ!..

А вотъ еще тутъ-же лѣтняя резиденція тифлискаго собранія, гдѣ процвѣтаетъ винтоманія... Смотрите, какъ здѣшніе и прїѣзжіе господа сражаются, другъ друга переминуть стараются. А въ малой ротондѣ вотъ играютъ въ нарды и поютъ кавказскіе барды: во все горло кричатъ, надрываются... (сазандарми прозываются). Тутъ мѣстные жители любимыя пѣсни слушаютъ и любимыя кушанья кушаютъ. Кстати: ежели вамъ нуженъ недорогой и вкусный ужинъ, прямо сюда идите,—и дешево, и сердито!

А вотъ и веселый „Эльдорадо“ садъ—веселый и не надо! Надъ воротами фонарики качаются, а у воротъ сами полицейскіе стоятъ, улыбаются... „Входите, моль,—мѣсто безопасное, фонари только красные“... Здѣсь ежедневно бываетъ два представленія, для вящаго увеселенія: сперва поютъ дѣвицы Биберти, надоѣли всѣмъ до смерти, никто ихъ слушать не желаетъ и всѣ имъ пѣть мѣшаютъ, такъ что онѣ вскорѣ умолкаютъ. Тогда другое представленіе начинается и ужъ вплоть до утра продолжается. Господа, какъ слѣдуетъ, гуляютъ, всячески себя увеселяютъ: безобразничать рады, сами дурачатся съ эстрады; а ужъ какъ напиваются—еле до дому добираются! Надняхъ въ этомъ же „Эльдорадо“ назначили два маскарада (должно полагать, для прохлады)... Вышла афинка печатная, очень занятная: масокъ, моль, снимать не позволяется и собакъ вводить воспрещается.

А вотъ, во едину отъ субботъ, подъ звуки галона, кутятъ господа въ саду „Европа“. Полюбуйтесь аллеями сада, да бесѣдками изъ винограда. Славныя бесѣдки! да жалъ, посѣтители въ нихъ въ прочіе дни рѣдки. Прежде этотъ садъ приличнымъ считался, семейными людьми посѣщался; жены сами настаивали, чтобы мужья для нихъ никники здѣсь устраивали... А теперь пошли всякія преграды, съ тѣхъ поръ, какъ тамъ завелись субботніе маскарады. Какъ только наступаетъ суббота, такъ у русскихъ женъ одна забота: какъ бы мужья дорогу въ „Европу“ забыли и мирно въ „Кружокъ“ бы винтили, предоставивъ Азіи европейскія безоразія...

Есть еще, все по той-же Михайловской улицѣ, сады подъ разными названіями, славящіеся обильными возліяніями... Но показывать ихъ вамъ не гоже: битые по рожѣ здѣсь дѣло обычное, для ихъ посѣтителей привычное... И глядѣть опасно! Пожалуй, для торжества добродѣтели, въ судъ позвать во свидѣтели!

Коли въ сторону свернуть, можно бы и въ мѣстный Кружокъ заглянуть, да „Фаланга“ меня предупредила, въ 29 № Чемадановскій

рисунокъ „Кружка“ помѣстила. Тамъ и смотрите. Ужинать же въ Кружокъ не ходите! Не совѣтую.

Теперь, господа, послѣдній видъ: передъ вами роскошный паркъ „Муштаидъ“, для прогулокъ вполне удобный, Булонскому лѣсу подобный. Весною здѣсь весь Тифлисъ катается, сыростью уливается, катаррами запасается; дамы другъ другу пыль въ глаза пускаютъ, нарядами щеголяютъ... А теперь, глядите, пустынь стоитъ,—каждый скорѣй въ Эльдорадо наровитъ. А причина подобнаго запустѣнія произошла отъ полнѣйшаго неумѣнія. Хозяинъ здѣшняго ресторана подвѣской „Буфетъ Надежда“, очевидно, круглый невѣжда: буфетъ содержитъ, а пѣвицы не держитъ,—эдакое упущеніе!

Засимъ, просимъ прощенія! Картины хоть и не ахтильскія, да для сердца улаживательныя, для ума не обременительныя, а главное—не предосудительныя! Можете спать спокойно: даже Катковъ догадается, что въ нихъ ничего не подразумевается.

Закрываю!

Иванъ—да—Марья.

Нѣкоторыя болѣзни нашихъ дней.

Черная немочь, или падучая—развита въ средѣ поклонниковъ Бахуса. Человѣкъ заболѣваетъ ею мгновенно, послѣ тридцать шестой рюмки „очищенного“. Проходитъ она быстро, съ помощію сельтерской или обыкновенной холодной воды. Главная причина этой болѣзни—недостатокъ хорошаго воспитанія, ибо человѣкъ хорошо воспитанный напивается всегда шампанскимъ, а отнюдь не очищеннымъ, отъ котораго такъ гадко пахнетъ... Второстепенными причинами являются: „распроклятое житіе“, неудачи въ жизни и т. д.

Зубная боль—болѣе всего развита въ средѣ купеческихъ мальчишковъ. Можетъ также заболѣть ею солдатъ, не угодившій чѣмъ-нибудь ротному командиру; поражаетъ она внезапно и субъекта только-что „передернувшего“ въ карточной игрѣ, и т. д. Такъ какъ болѣзнь эта эпидемическаго характера, то всѣ существующія противъ нея мѣры болѣе или менѣе неэффективны.

Рожь—очень гадкая болѣзнь. Ею поражены бывають исключительно старыя дѣвы, черезъ что и лишаются надежды выйдти когда-либо замужъ. Эта болѣзнь замѣчательна тѣмъ, что неизлечима.

ВЪ ЗАХОЛУСТЫИ.

— Ваше благородіе, письмо Егоровнѣ, надо быть, отъ сына; отдать, што-ли?
— Дай-ка сюда, нѣтъ-ли тутъ чего такого.

Мѣсто дѣйствія—книжный магазинъ въ г. Козловѣ.

— А дай ты мнѣ, братецъ, разныхъ классически хъ авторовъ, въ родѣ Монтенена, Понсонъ-дю-Террайля и Поль-де-Кока.

— Не угодно-ли вамъ, ваше п—ство, и послѣднее изданіе Стасюлевича, сочиненія Некрасова?

— Предложеніе произвело необычайный эффектъ. Ругнувъ Некрасова мужикомъ, съ присоединеніемъ крѣпкихъ и неудобосказуемыхъ эпитетовъ, превосходительная особа такъ расходилась, такъ расходилась, что бѣдный прикащикъ на вѣки вѣчные далъ нерушимую клятву никогда впредь не мѣшать Некрасова съ такими классическими авторами, какъ Понсонъ-дю-Террайль, Монтенень и Поль-де-Кокъ.

ОБЪ ЭКЦЕНТРИЧНОСТИ АМЕРИКАНЦЕВЪ

Не успѣли мы прочесть извѣстія о бѣгствѣ Гартмана въ Канаду и о готовности правительства сѣверо-американскихъ штатовъ выдать его русскому правительству, какъ пришла телеграмма международного агентства, сообщающая о добровольномъ возвращеніи Гартмана въ Нью-Йоркъ и о желаніи его сдѣлаться американскимъ гражданиномъ. Русскій царубійца не боится американскаго суда и изъявляетъ готовность „испытать на себѣ силу американскихъ законовъ“.

Инымъ читателямъ это извѣстіе можетъ показаться очевидною уткою. Американцы въ настоящее время злы на всевозможныхъ бунтовщиковъ, тѣмъ болѣе, что рана Гарфильда, въ концѣ концовъ, оказывается смертельною. При такомъ настроеніи американскаго общества, упомянутый поступокъ Гартмана является, повидимому, чистѣйшимъ сумасбродствомъ. Но едва ли справедливы тѣнія сомнѣнія относительно вѣроятности послѣдняго... Нужно только вспомнить, что американцы донельзя эксцентричны и въ оригинальничаньи перещеголяли своихъ атлантическихъ братьевъ-англичанъ, не лишеныхъ своеобразныхъ, чтобъ не сказать дикихъ, взглядовъ на право убѣжища для политическихъ преступниковъ. Мы здѣсь говоримъ, конечно, не о правительствѣ. Правительства, какъ англійское, такъ и американское, весьма благонамѣренны и готовы угодить всѣмъ державамъ въ мірѣ; но бѣда въ томъ, что правительство тамъ является слугою общества и обязано исполнять даже народныя прихоти, и горе тому начальству, которое пойдетъ наперекоръ требованіямъ большинства.

Для доказательства этого, мы приводимъ одинъ фактъ изъ исторіи, надѣлавшей въ свое время въ Европѣ очень много шума.

Извѣстно, что Орсини съ товарищами составилъ заговоръ противъ жизни Наполеона III въ Лондонѣ и что, послѣ покушенія, многіе изъ участниковъ заговора пребывали именно въ этомъ городѣ. Баденге, сильнѣйшій въ то время въ Европѣ государь, слалъ англійскому правительству грозныя ноты о выдачѣ преступниковъ, и тогдашній премьеръ, лордъ Пальмерстонъ, подъ давленіемъ этихъ нотъ, внесъ въ парламентъ предложеніе объ отменѣ стараго англійскаго закона, предоставлявшаго въ Англіи политическимъ преступникамъ-иностранцамъ право убѣжища. Но заволновалось общество, начали подготовляться многолюдные митинги противъ предложенія Пальмерстона, зажужжали почти всѣ газеты, народъ избилъ французскихъ агентовъ, присланныхъ въ Лондонъ (ихъ въ то время лондонцы имѣли дерзость называть „шпіонами“), и въ результатъ отъ такой борьбы дипломатин съ

Джонъ-Булемъ получилось лишь паденіе министерства Пальмерстона и оправданіе судомъ присяжныхъ д-ра Бернара, извѣстнаго сообщника Орсини.

А американцы, какъ соперники англичанъ, захотятъ пожалуй перещеголять ихъ въ такомъ сумасбродствѣ: у нихъ Гартманъ, пожалуй, не только будетъ принятъ въ число американскихъ гражданъ, но и получить гильдейское свидѣтельство на открытіе фабрики адскихъ машинъ.

Нужно лишь помнить, что у американцевъ, вопреки извѣстному философскому изрѣченію, говорится: „все невозможное—возможно“.

Езопъ.

НАМЪ ПИШУТЬ

Изъ Ростова-на-Дону. Весною этого года нашъ городской голова уѣхалъ изъ города. Заступающій мѣсто городского головы занялъ его постъ. 20 числа ему преподносятъ списки жалованья служащимъ въ городской управѣ, въ томъ числѣ и ему, какъ городскому головѣ. Подписалъ, получилъ и расписался. Проходитъ мѣсяць, голова (дѣйствительный) еще не пріѣхалъ, а исправляющій должность продолжаетъ управлять городомъ. Второй списокъ жалованья подписалъ, получилъ и расписался! Чрезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ дѣйствительный голова, и заступающій мѣсто передаетъ ему бразды правленія. Дѣйствительный пишетъ ордеръ на кассу и получаетъ за все время отсутствія своего жалованье полностью, что-то около 800 р. Тутъ, казалось бы, и дѣлу всему конецъ, какъ вдругъ, въ одномъ изъ засѣданій ревизіонной комиссіи возникаетъ такой вопросъ: отчего это за такой-то мѣсяць исправляющимъ должность городского головы получено жалованье, и за тоже время городской голова тоже получилъ жалованье?

Кинулись къ исправлявшему должность городского головы.

— Будьте благодаритемъ, не дайте на посмѣяніе всей Россіи, возвратите деньги въ кассу!

— За что? Вы сами-же мнѣ дали, я не просилъ ихъ. Пусть отдастъ городской голова, а я,—чтобы городъ не сказалъ, что я заинтересовался 800 рублями,—внесу ихъ сегодня-же въ какое-либо благотворительное учрежденіе.

Пошли къ настоящему головѣ.

— Такъ и такъ, вашъ собратъ не возвращаетъ, потрудитесь возвратить!

— Ни-ни! Какое мнѣ дѣло? По закону я 28 дней могу небыть на службѣ и сохраняю за собою жалованье! Да, наконецъ, у меня идетъ постройка, и мнѣ деньги до зарѣза нужны.

И правъ!

Повѣся носы, поделались члены управы и порѣшили собратъ общую думу...

Владѣлецъ кабачка подъ фирмою „Баскада“ Вагнеръ, пригласилъ недавно въ свой «театръ» русскую оперу, состоящую изъ гг. Махиной, Кочетовой, Фюрера и Додонова, на условіяхъ полученія ими полусбора съ каждаго спектакля. Когда шелъ еще первый спектакль, по Ростову были расклеены афиши втораго. По окончаніи перваго спектакля Вагнеръ артистамъ денегъ не далъ, за что былъ ими публично избитъ. Артистамъ пришлось дать второй вечеръ; но послѣ втораго вечера повторилась та же исторія, т. е. Вагнеръ не далъ артистамъ денегъ, а артисты вторично побили Вагнера.

Око за око, зубъ за зубъ!

Гпру.

СО СТУПЕНЬКИ НА СТУПЕНЬКУ

Собралась на балъ Аннета—

Вся красой блеститъ!..

Что за прелесть шейки, плечъ къ,

Розовыхъ ланитъ!..

Вотъ она совсѣмъ готова—

Конченъ туалетъ.

О, Аннетъ, право, только...

Только... двадцать лѣтъ!

* *

Послѣ вальса у Аннеты

Щечки ужъ не тѣ...

Ибо пудра измѣняетъ

Дивной красотѣ!

Исчезаетъ по-немногу

Кожи нѣжный цвѣтъ...

Эге-ге!.. да ей, пожалуй,

Двадцать пять ужъ лѣтъ!..

* *

Послѣ польки у Аннеты

Гаснетъ чудный взглядъ.

Я смотрю... и удивленьемъ,

Какъ огнемъ, объять...

Не пойму подобной вещи!

Въ чемъ-же тутъ секретъ?..

О, Аннетъ, я ручаюсь,

Есть ужъ тридцать лѣтъ!

* *

За кадрилию бюстъ Аннеты

Какъ-то расплылся.

Гдѣ-жъ твоя, мой другъ, Аннета,

Прежняя краса?!

А потомъ замѣтилъ тонкій

Я морщинокъ слѣдъ.

Да тебѣ, Аннета, право,

Тридцать пять ужъ лѣтъ!

* *

Конченъ балъ. Огни ужъ гаснуть.

Всѣ спѣшать домой.

Я смотрю... и что-же вижу!..

О, создатель мой!

Прѣжнихъ прелестей въ Аннетѣ

И слѣда ужъ нѣтъ.

Эге-ге! да ей, ей Богу,

Полныхъ сорокъ лѣтъ!..

Атомъ.

